

В номере:

Выдающийся поэт России

Игорь Холин

Новости Поэтограда

Новая книга Елены

Кацюбы

Владимир Масалов

Рубаи

Николай Караменов

Матагальпа

(рассказ)

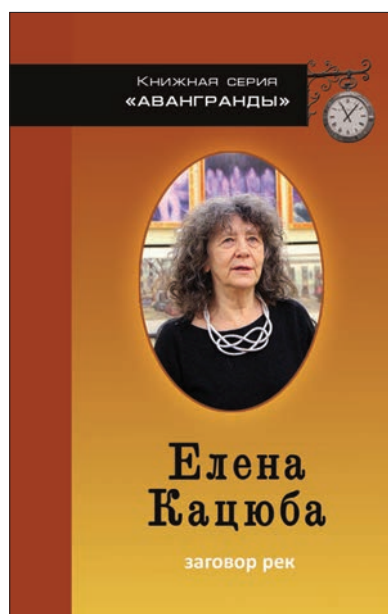

Пьедестал Поэтограда

НОВОСТИ ПОЭТОГРАДА

НОВАЯ КНИГА ЕЛЕНА КАЦЮБЫ

17 июня в Клубе «Читального зала» состоялась презентация книги стихов Елены Кацюбы «Заговор рек» («Издательство Евгения Степанова»). Елена прочитала стихи из книги, о ее поэзии высказались Константин Кедров-Челищев, Александр Карпенко, Сергей Зинкевич, Алексей Юрьев, Елена Голованова-Старенко (Нью-Йорк), Светлана Леонтьева (Нижний Новгород), Татьяна Зоммер и другие.

Вел вечер Президент Союза писателей XXI века, главный редактор портала «Читальный зал» Евгений Степанов.

Сергей КИУЛИН

В ДОМАХ ХАБАРОВСКА ПОЯВЯТСЯ БИБЛИОТЕКИ

Хабаровский край присоединился к инициативе Фонда содействия реформированию ЖКХ.

Теперь в домах образцового содержания региона появятся небольшие библиотеки.

Найти для себя интересную литературу можно будет не выходя из дома. Представители управляющих компаний и жители «образцовых» домов получили первые книги.

В каждом подарочном комплекте литература разных жанров и для разных возрастов. Теперь собственники должны оборудовать полки в подъездах.

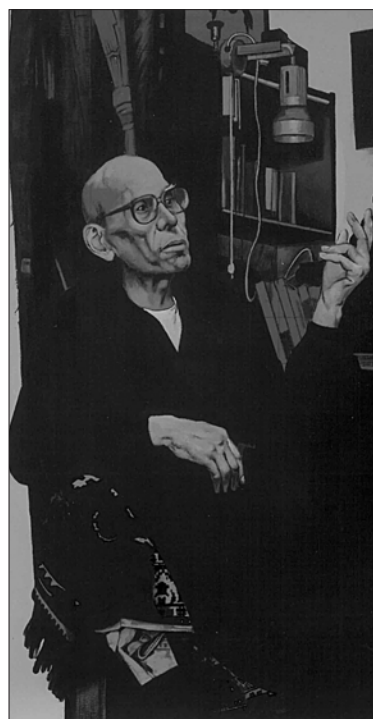
Сегодня в Хабаровском крае насчитывается четыре дома образцового содержания, и все они находятся в краевом центре, сообщили в краевом правительстве.

(По материалам сайта премии «Большая книга»)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ИГОРЬ ХОЛИН (1920-1999)

* * *

Он
Приглашен
В зен
Зон
Пить сон
Леть
Лон
Лама взепопо
Лемма взепепе
Ррр
Цц
Рце
Рц

(Стихотворение с портала www.futurum-art.ru)

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!**

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ «Диалог» СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ
О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ, КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ
ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ**

Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко:

«Людей неинтересных в мире нет!»

Тел.: +7 (495) 971 79 25

факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

WWW.LITLAVKA.RU

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почта — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Леонид Складнев
Присказка к жизни
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Ольга Любимова
На краю бездны. Книга вторая
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Юрий Хрычѳв
Любовь в искусстве русского поэта
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА!

Доставка по Москве от 1 дня.

Тел. (495) 971-79-25

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ВЛАДИМИР МАСАЛОВ

РУБАИ

Владимир Масалов — поэт, дипломат. Родился в Рязанской области. Окончив в 1957 г. среднюю школу в Москве, начал трудовую деятельность учеником инструментальщика на заводе. С 1960 г. — мастер спорта. Был неоднократным чемпионом Москвы, СССР и студенческих игр по самбо и дзюдо. Окончил Центральный институт физической культуры и спорта (1963) и Институт иностранных языков им. Мориса Тореза (1970). Работал в Союзе обществ дружбы с народами зарубежных стран, в Оргкомитете «Олимпиады-80», а также по разным линиям в Бирме, Бангладеше и Уганде. В 1984–1991 гг. — в Международном отделе ЦК КПСС и Аппарате Президента СССР. В МИД России — с 1992 г., был зам. директора ДСПО и Генеральным консулом в Гетеборге (1997–2001). Дипломатический ранг — Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса. Начал писательскую деятельность в Швеции. Издал более 20 поэтических сборников. Многие стихи переведены на английский, испанский, шведский, болгарский и польский языки. Член Союза писателей России и Секретарь его Правления. Возглавляет литературно-творческое объединение МИД России «Отдушина».

* * *

Любовь придет к тебе, мой друг, тогда,
Когда ты ей отдашься навсегда,
Без ревности безумной, без сомненья,
Но знай она — и счастье, и беда.

* * *

Когда луна, тревожа сновиденье,
Тебя приводит в страстное волненье,
Ты понимаешь, ею покорен,
Зачем луна терзается в сомненьях.

* * *

Все в мире тлен, но жизнь дается раз.
И твой, поверь, придет последний час.
Спешу сегодня вымолвить «люблю»;
Мгновенье вряд ли подождет здесь нас.

* * *

Не верю, что мы встретимся потом
И вспомним там наш теплый, добрый дом.
Мне холодит сознание порою,
Что жизнь — лишь миг и дом пойдет на слом.

* * *

Когда ты понял — горек твой удел,
Что сыном осчастливить мир не смел.
Остался одиноким, как могила.
Кто на себя возьмет всю гряду твоих дел?

* * *

Кто скажет, что я стар — не верь тому.
Сомненье — яд признанью моему.
Твоя краса хранит меня надежно.
Принадлежит, надеюсь, одному.

* * *

Во сне при виде твоего лица
Так сердце бьется, словно у юнца,
День озаряется безумным белым светом,
Как у судьбы, догнавшей беглеца.

* * *

Когда надев парадный свой мундир,
Душа взирает радостно на мир,
Ей солнце будто светит веселее,
И я иду с ней праздновать в трактир.

* * *

Душа мне шепчет: «Раны остуди
Глотком вина, раз жар в твоей груди.
Быть может, хмель несчастному поможет,
Но ревности смотри не разбуди!»

* * *

Во сне бродяга, а в душе поэт,
Как мотылек, лечу всегда на свет.
Пускай в огне в мгновение сгорю
И все же страха перед смертью нет.

* * *

Оставь хоть каплю веры для души,
Пред нею взглядом томным не греши.
Не торопись уйти сейчас поспешно,
Мои сомненья поцелуем разреши.

* * *

Когда взираю ввысь, я крылья обретаю.
Пускай не птица я, и все же я летаю.
К тебе одной лечу за миллионы верст,
Где в небесах тебя я повстречаю.

* * *

Тот прав наверно, кто довольствуется малым.
Он счастлив радуге, росе, закатам алым.
Он веселится — сердцем значит счастлив,
Судьбу благодарит, что солнце не устало.

* * *

Скажи, зачем судьба недоглядела,
Чтоб сердце от любви и день, и ночь болело?
Тоска, печаль, как постояльцы в доме.
Мне с ними жить безумно надоело.

* * *

Без боли в сердце не живет любовь
И не зовет без слез быть рядом вновь и вновь.
Любовь, как сон, рождается нежданно,
А потому ты ей не прекословь.

* * *

Когда небесный свод дыханием затих,
Впуская в ночь созвездья звезд своих,
Душе моей тревожно, неуютно
От мыслей незадачливых моих.

* * *

Увидев звездный танец в вышине,
Услышав звуки ясно в тишине,
Не хочешь, но станцуешь с ними вместе.
И повторится танец твой во сне.

* * *

И черный день когда-то прояснится,
И радость в душу вновь к тебе вселится.
Ты только верь в судьбу свою и случай.
Устанет дождик, тучка просветлится.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

современная писательская организация, идущая в ногу со временем
и отвечающая потребностям творческих людей

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ СВОЕГО ВЕКА!

КАК ВСТУПИТЬ?

КАКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА?

КАКОВ ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ВЗНОС?

Ответы на эти вопросы
и подробную информацию
Вы найдете
на сайте

www.writer21.ru

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ МАТАГАЛЬПА

Николай Караменов — поэт, прозаик, филолог, литературовед. Живет в Украине, в городе Александрия Кировоградской области. Печатался в журналах «Дети Ра», «Другие берега», «Склянка Часу», «Крещатик», «Новый Берег». Член Союза писателей XXI века.

Гонимая ветром пыль летела мутно-белесой стеной. Сначала она окутала приземистого и лежащего на железнодорожной насыпи Иносенсио, потом укрыла тонким слоем командира, сомкнутого подбородком к своим острым коленям, точно закрытый висячий замок. Командир сидел в тени домика, стены и крыша которого были сложены из ржавого рифленого железа. Мелкие песчинки скапливались между складками одежды бойцов, — так же, как и в желобках волнообразно изогнутых листов жести, из-за чего тела людей напоминали исковерканный, с оплавленными краями металл, то есть то, что могло остаться от неказистого строения, в будущем разрушенного взрывом или ураганом. Впечатление незыблемости создавала лишь фигура командира, ибо он словно вырастал из ржавчины, воплощая собой стремление хибарки не развалиться: она просто сделала шаг вперед, сжалась в размерах и как бы ожила.

Иносенсио повернулся к командиру — бледный, с выпуклыми и похожими на длинные манikyры зубами, надавливающими на обескровленную нижнюю губу. Из его широкоскулого лица близорукие глаза всплывали двумя различными по форме проталинами на заросшем морозными узорами окне. Такими их могла надыхать только Матагальпа, которая после, когда будет взята штурмом, пожрет облик Иносенсио, оставив вместо него лишь искаженное, как в кривом зеркале, отражение пустых и изрытых снарядами улиц. Но он никогда не видел зимы, откуда же тогда истаивание? — не догадался подумать командир, хотя краем внутреннего зренья заметил, что уходящий вдаль, будто вспарывающий зрачок Иносенсио, безлюдный, с обугленными деревьями проспект пересек некто незащищенный и грациозный, поправляющий разметавшиеся по плечам волосы белой, как мел, рукой.

Словно почувствовав не рожденную, но все равно обязанную появиться на свет мысль, Иносенсио задумчиво провел пальцем по стволу автомата и прочертил на стальной, присыпанной пылью поверхности вороненую линию.

Командир хмыкнул и сплюнул. Слюна была горчично-кремового цвета. Худосочный Луисито прижимался щекой к гравию и вслушивался в сухой дождь песчинок. Он любит землю, — подумал командир. Его еще недавно тяжелый и низко стелющийся над насыпью взгляд взмыл вверх, на веках шевельнулись складки старческой дряблости, и хотя солнце из-за налитанного пылью воздуха выглядело тусклым, командир все равно беззащитно прищурился и поспешно, пытаясь от него заслониться, провел потной ладонью по лицу, тотчас же испытывающий какое-то непонятное удивление. Однако из-за опасения, что кто-то может заметить его замешательство, не позволил себе догадаться, что его рука только что прикасалась к искусственному песочному человеку.

Заныло темя. От острой боли в висках перед глазами поплыли черные маслянистые пятна. Взгляд его снова начал скользить над насыпью и над Луисито, одетым в армейскую камуфляжную форму. Случайно или в этом таилась определенная закономерность, ибо день нависал серостью и унынием и больше походил на сожженную и превратившуюся в пепел органику, темно-зеленые пятна укрывали тело юноши тенью будто бы густой травы, именно контрастом зеленого на темном заставив вспомнить командира о влаге леса и свежести лугов. Своим сознанием он все еще был сосредоточен на внешнем виде насыпи, старался скрупулезно фиксировать все, что происходило на ней и за ней, но вид тощего юноши и память о прохладе на несколько секунд освободили его от контроля за внешним миром и заставили анализировать самого себя, так что невольно, не отдавая себе отчета, командир олицетворил растительный образ земли в высокомерную и пугающе красивую женщину. Луисито лежал на гравии, под которым, возможно, никакого гумуса и не было — одна глина, но воображение командира все равно нарисовало картину обоюдных ласк юноши и земли, чтобы навести его на мысль об инцесте. Однако он не смог ее долго удерживать в том, что можно назвать рассудочной деятельностью мозга, — именно как понятие: извиваясь, оно выпало даже из его ощущения эротической подоплеку любви каждого человека к родине или стране, ибо земля — единственная мать, которая похотливо отдается своим детям, чтобы рано или поздно ими же набить свою утробу. Тело юноши уже не покоилось на зеленой поляне, а медленно расплзалось в зеленовато-желтую слизь, которой насыщались зеленые муравьи.

Всему виной одежда, — решил командир и сразу же задал себе вопрос: где Луисито сумел раздобыть форму, что выглядит совершенно не ношеной? Снял с убитого новобранца? — опять не сумел подытожить он мысль, ибо Иносенсио, широко разомкнув синие губы, громко и с претензией, что умеет заглядывать в душу командира, произнес:

— Все военные вырастают из земли, якобы укрытой травой. В детстве я любил смотреть по телевидению прямые

трансляции из столицы военных парадов. И я всегда с восхищением думал о цвета вороненой стали асфальте, по которому перемещаются квадратные и прямоугольные луга с разложенными, как по линейке, оранжевыми и жасминно-стерильными цветками кокард, петлиц, пагон и аксельбантов...

Командир хотел продолжить мысль, укоризненно бросив: мол, все военные прикрываются землей, выдают себя за ее соль, так что люди и не пытаются им противостоять, — попробуй поспорь с самой почвой, со стихией, — но только недовольно покосился на своего помощника, сидящего от него на насыпи метрах в десяти

Слегка подрагивающие губы Иносенсио казались расположенными дальше поверхности его лица. Создавалось впечатление, что говорит не он, а кто-то, находящийся позади него и пытающийся использовать голову Иносенсио, как некий аппарат, умеющий правильно артикулировать в слова совершенно чуждые человеческому пониманию представления. Командир задержал взгляд на двигающихся, словно проталкивающих сквозь толщу воды губах помощника, а когда пробежал зрачками по пузырящимся слюной зубам, с облегчением вздохнул, так как, наконец, понял, почему их белизна всегда вызывала в нем чувство отвращения. Она ослепляла неискушенный, как, например, ум Луисито, искусственным, мертвым светом. Это только походило на безукоризненность, отшлифованного до алмазного блеска якобы сугубо индивидуального толкования проявлений мира, хотя, на самом деле, Иносенсио попросту грубо сглаживал противоречия, смешивал их в одно целое, и его высказывания представляли собой напыщенную заявку на интеллектуализм, жалкую попытку живописать жестокую и всем опостылевшую действительность. Луисито ловил каждое его слово, каждое замечание и, скорее всего, даже незначительное высказывание помощника ассоциировал с эстетической привлекательностью его зубов, ладно подогнанных друг к другу и лишённых малейшей порчи и кривизны. И только для командира открытый рот Иносенсио белел, будто осыпающийся крошевом льда или уносимый метелью в совершенно иное время и иную географическую область Земли, где все атмосферные явления подчиняются неукоснительному правилу обуздания текучести и аморфности, а, значит, и своеобразия, то есть попросту преобразуются в осадок, в строгую графику опадающих с неба кристаллов. Так вот оно что — это геометрия его рта, — не поверил командир своему же прозрению, — ибо Иносенсио — чертежник слов и гравировщик понятий: прямоугольниками кварталов Матагальпа легла на его язык, точно шевелящийся в кислоте и каплюющей кислотой, которая выедает даже металл. И все от ожидания: еще немного, и кто-то, послушавшись речей помощника, отрхнет со своей одежде песок и, не дожидаясь приказа, побежит штурмовать город, выкрикивая: «Свобода!» — потому что Матагальпа так и останется не взятой, и, — «Или смерть!» — ибо она уже здесь, на насыпи дергает посиневшими, как от холода, губами Иносенсио, — мелькнула в сознании, но не командира, а у кого-то из тех, кто лежал чуть дальше от домика, подозрительная мысль.

Город находился по ту сторону железной дороги. Его часто закрывало летящей пылью, но стоило ветру внезапно ослабнуть, белые дома с бурными черепичными крышами просматривались, словно мираж, словно затонувшие строения какой-то древней цивилизации. В их якобы объемном расположении невозможно было разглядеть никакой перспективы, даже угадывалась колеблемая водой плоскость рисунка, как если бы в ванночку с закрепителем положили проявленную фотобумагу, но забыли ее оттуда вытянуть: неуклонно возрастающая четкость изображения со временем напитывалась темнотой, ибо емкость бездонна, и фотография просто начала погружаться в лишенную света глубину.

Прилетела похожая на ворона большая волосья птица, которую в народе называют рисовый касик из-за ее любви клевать рисовые зерна. Она опустилась между Луисито и Иносенсио и принялась отрывисто водить из стороны в сторону головой. Ее перья не присыпала пыль: она будто избежала забвения в этот душный и ветренный день и выглядела неестественно реальной, — безучастно смотрела на хибарку и на насыпь, не замечая укрытых тонким слоем песка и тихо постанывающих людей под тяжестью высокого солнца.

Дробью падающих на жезл шариков окалины долетела из города автоматная очередь, однако не по прямой траектории, а вначале устремившись к небу, чтобы сразу почти вертикально врезаться в насыпь, тем самым исказив между выстрелами одинаковые интервалы безмолвия. Затем, после некоторого затишья, еле различимые, точно задернутые марлей, два или три низеньких строения окутались облачками дыма.

Рисовый касик высоко поднял голову и замер, будто вынырнул из синеватого отлива своих перьев. Весь облик птицы говорил о том, что она была единственным живым

существом, которого этот знойный, набухший пылью и ожиданием день не пытался забыть. Рисовый касик оставался настоящим даже тогда, когда после нескольких хлопков, слетевших с увенчанного глушителем автомата Эмилиано, покатылся с насыпи к ногам командира.

Почти все из отряда, кто находился ближе к домику, отвернулись от города и непонимающе уставились на бойца, лежащего лицом к солнцу. Командир поднял глаза — карий и голубой, однако только один Иносенсио попытался догадаться, ибо воспринимал в этот момент командира, как своеобразную персонификацию сути ржавого домика, что глазные яблоки сидящего напротив него мужчины — некая студенистая проекция потухшего очага и дыры дымохода, однако только сделал попытку, потому что нашел другое сравнение, — настолько смутное и никакими смысловыми категориями не оформленное, что испытал лишь ершистую горечь жажды во рту. Он деловито, точно правил чертеж, облизал языком, так как все его лицо было неравномерно присыпано слоем пыли, узкий пунтир губ, из-за чего те потемнели и стали выразительными.

— Штурм давно уже должен был начаться, командир, — недовольно поморщился Эмилиано, — а сигнала к нему все нет и нет...

Они пришли ночью, истекающие потом, липко-взмывленные от долгой и изнурительной ходьбы, выползли лентой последа из лона чащи, тогда как ребенок, то есть город, переврался за насыпью ртутными каплями огней — свежесмытый, только что родившийся, и его криком нетерпения стал протяжный гул катящегося во мраке локомотива. Один лишь командир подумал, что железная дорога отторгает от леса не что иное, как разбросанное и постепенно истлевающее жаром углей кострище. Очумело визжала цикада, привыкая к грохоту поездов, пока чей-то сапог, опустившись на крупное насекомое, не набил ее дребезжащее пение землей и не выжал из фасеточных глаз крошечные брызги, которые тотчас же усилили влажное мерцание уличных огней Матагальпы. Рассвет никому из партизан не казался желательным, и заплывающие с востока бледным светом утренние сумерки каждый из них мысленно соскабливал со своей одежды, точно засохший клей. Ушедший на поиски воды и продуктов питания Каэтан не возвращался, не набил ее дребезжащее пение землей и не выжал из фасеточных глаз крошечные брызги, которые тотчас же усилили влажное мерцание уличных огней Матагальпы. Рассвет никому из партизан не казался желательным, и заплывающие с востока бледным светом утренние сумерки каждый из них мысленно соскабливал со своей одежды, точно засохший клей. Ушедший на поиски воды и продуктов питания Каэтан не возвращался. Эмилиано лежал навзничь и развлекался детенышем рыжей обезьянки, недавно подобранным отрядом в лесу из жалости или чтобы скрасить однообразные дни, наполненные только лишь ожиданием штурма Матагальпы. Зверек выглядел из-за пазухи белокурого бойца, иногда цепенел пушистым тельцем и испуганно тарачил на людей а также на город огромные медового цвета глаза. Издали казалось, что на груди Эмилиано, точно на могильном холмике, растет густая и выгоревшая под солнцем трава. Она подрагивала от самого незначительного дуновения ветерка, а, быть может, и осторожного шевеления дня, который, как мнилось командиру, был последним и собирался подняться и навсегда покинуть отряд. Чтобы еще больше потешиться над испугом обезьянки, Эмилиано подбрасывал над собой автомат, умело ловил его и с чувством болезненного наслаждения унимал холодными и потными ладонями почти живую дрожь, пробегающую по увенчанному глушителем стволу.

— Потерпи, потерпи еще, Эмилиано, — сказал командир, — не надо напрасно тратить патроны. Тебя ведь ждет город, сынок.

— Матагальпа! — засмеялся в захлеб Эмилиано, выпячивая грудь и еще больше обнажая рыжее тельце обезьянки.

У командира возникло желание грязно и цинично выругаться, подойти к белокурому бойцу и ударить этого ненормального сапогом в лицо, чтобы заткнулся, перестал разбазаривать патроны и не привлекал внимание неприятеля. Он даже приподнялся, но, тяжело вздохнув, сел обратно спиной к рифленому железу.

Рядом с ним, тоже прислонившись к хибаре, стояла худенькая девушка. Ее лицо было наполовину скрыто синей повязкой, из-под зеленого берета выбивались густые и дымящиеся мелкими завитками волосы. Автомат висел на ее правом плече, согнутый в знак вопроса указательный палец огибал курок, по изящному запястью янтарными крошечными улитками медленно скатывались капельки пота. Девушка неотрывно смотрела за железнодорожную насыпь, будто гипнотизировала город, напоминающий блеклый рисунок на ветхом, вывешенном под солнце гоболе, так что ничего неестественного в рассыпающемся в труху дне командир не находил: обморочно-воскового цвета тучи песка были неотрывно связаны с невзрачными, питающимися шерстью насекомыми да и с самой пылью на их бархатных крыльях.

— Матагальпа! — повторил Эмилиано. — Мы сегодня возьмем ее, — а в измученном сознании командира шевельнулась

Продолжение на стр. 4

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ МАТАГАЛЬПА

Продолжение. Начало на стр. 3

мысль, что светловолосый относится к городу точно так же, как к своему автомату или обезьянке: они просто служат ему для потехи, хотя в его игре нет ничего от стремления кем-то обладать или навязывать себя.

— Заткнись, Эмилиано, — лихорадочно зашептал Луисито.

Девушка никак не отреагировала на его слова, но, по крайней мере, если не все, то Иносенсио и Эмилиано, нагло оскалившись, почувствовали, что Луисито сказал их именно для нее, пытается хоть как-то подняться в ее глазах. Она уходила зрачками за насыпь: мнилось, что всем своим естеством она пребывала уже там, в Матагальпе, а возле домика находился ее фантом, все еще хранящий живой блеск в своих зеленых глазах.

На солнце еще сильнее начал налипать песок, и оно почти ничем не отличалось от пупырчатой цедры лимона. Его мутно-красавый, но одновременно и блеклый свет размывал границы предметов, контуры тел лежащих на насыпи партизан. Вследствие текучести всего, что являлось обликом жаркого дня, насыпь выглядела намытым волнами на мелководье молом, а сами бойцы, хотя их силуэты почти растворялись в рассеянном свете, изредка фокусировались самим днем в диковинных животных, выброшенных на берег из стилой пучины океана. Они и дышали тяжело, подобно оказавшимся на поверхности воды глубоководным рыбам, а темные повязки, которыми некоторые из них прикрывали свои лица, напоминали сросшиеся в один широкий треугольник жабры, — почерневшие и съедающие шеи и головы, словно бы отверстые гангреной.

С силой выдохнув из своих легких воздух, из-за чего пыль с его одежды резко взлетела и скрыла лицо, как бы со стороны, ибо еще уже невозможно было разглядеть, Иносенсио спросил:

— Вам никогда не казалось, командир, что телевизор — это аквариум или, скорее, своеобразный иллюминатор, дающий возможность нам, глубинным существам, наблюдать иной мир?

Командир хотел согласиться, поддержать разговор, — мол, в самом деле, что-то в этом есть, Иносенсио. Может весь мир — это глубина, а спутники, распространяющие по Земле телевизионные программы — выпускающие из себя чернила кальмары, которые бороздят самый верх высокой воды. Но он ничего не сказал, ибо почувствовал, как всем своим стройным телом еще сильнее выпрямилась девушка, как начал цепенеть ее указательный палец на курке.

Резкий порыв ветра снова трепанул день, словно все члены партизанского отряда находились в испускающей свет коробочке, на внутренней стороне стен которой были нарисованы солнце, железная дорога и дышащая дымом от взорванных гранат Матагальпа.

— Каэтано идет, — тихо процедила девушка сквозь зубы.

Иногда освобождающиеся от пыли и из-за этого начинающие блестеть под солнцем отполированной поверхностью две линии колеи будто изгибались и напоминали длинные электрические разряды.

— Идиот! Он что — с ума сошел? — зашипел, напрягая на шее лиловые вены, Иносенсио.

Низко пригнувшись, командир бесшумно сделал несколько шагов к насыпи. За ним поспешила девушка. Командир выбрасывал далеко вперед свои длинные ноги, чуть ли не ударял коленями по багровому лицу, внезапно ставшим рыльям и одутловатым. Возле Иносенсио он уперся руками о шпалы, бросил взгляд на город и только потом распластался на гравии.

Каэтано не торопясь брел вдоль рельс. Истекающий маревом, точно потом, день обезобразил его тело: неестественно высокий — он выглядел не человеком, а, скорее, постоянно удлинняющейся и укорачивающейся в каком-то чувственном трепете пульсирующей потаенной щели, и сквозь нее открывался вид на истинную Матагальпу, а не на ее подобие, создаваемое зноем и летящим песком. Он словно волок по рельсу не оружие, а грубый обрубок своего тела, которым только и можно было заткнуть эту беспрерывно изменяющуюся в своих размерах лазейку, то есть его самого.

Как только разведчик подошел немного ближе, у всех бойцов возникло ощущение, что это просто ветер несет плакат со схематично изображенным на нем Каэтано.

Не поднимаясь, командир оглянулся по сторонам: девушка стояла возле него все так же, ожидающе вытянувшись, слегка отстранив от себя автомат и держа его уже параллельно плоскости земли. В тени хибары белки удлинняющихся к вискам глаз блестили двумя, отсчитывающими взвинченно-обрывающееся время выстрела, фосфоресцирующими делениями на циферблате часов, между которыми, подобно нерешительной стрелке, шараялась мысль красивого и юного существа, и командир догадывался, что она не имеет ничего общего с рассудочной деятельностью мозга, ибо представляет собой чистейшую эмоцию — еле сдерживаемый и постоянно лелеемый мечтами о мести гнев. Прикрывающая лицо повязка от частого дыхания пульсировала мембраной, отекшей и потерявшей упругость от впитавшейся в нее влаги, словно, если бы у прерванной рассветом ночи был слепой

и темный глаз. Она бы им, изойдя изо рта партизанки и растекшись по ее подбородку, то есть, выражая собой некое зрительное умолчание, как раз и воспринимала перекидывания с места на место недавно спрятанных в ней изображений дня; а иногда, при сильном выдохе, синяя материя вздувалась крошечным парусом, уносящим еще детское, чувственно-наивное выражение губ, ведь командир видел девушку раньше веселой и беспечной, в гортанный возглас-команду, после которого затворы автоматов беспрепятственно, липкие от смазки, скользят и замыкают пространство дня или ночи в одну безупречно прямую линию траектории полета пули.

Тоскливо взирая на девушку, командир невольно, сконфузившись от собственной мысли, подумал о ее пупке. Он начал размышлять о том, что пупок ее так же слеп и безжалостен, как зев ствола любого оружия, которому всегда грезятся раны на телах и глубокие выбоины в белой извести домов. Ему захотелось попробовать языком это подобие глазного яблока без радужницы и зрачка, но с лукавой складкой верхнего века. Он командовал ею, но и боялся ее. Его мысль стала пурпурно-сиреневой, не выговариваемой и вязкой от тягучей слюны в наполненном молчанием рту, и как только он в своих грезах приблизился лицом к животу девушки — ощутил воображаемый удар ствола по доверчивому вытягиванию своих губ: его передние зубы как бы надломались и, одновременно с нажатием указательного пальца на курок, прилипли осколками к небу, подобно удаляющимся в высь неба облакам. Девушка смотрела на него холодно, но постепенно ее глаза начали оттаивать лишь для того, чтобы она их перевела расширенными зрачками на Матагальпу, воплощающую всю ее ненависть и всю ее любовь.

Наконец Каэтано стал виден почти весь, но как человек, от первоначального облика которого, избежав действие марева, сохранилась одна огненно-рыжая борода.

Ветер в который раз, точно песочные часы, перевернул знойный день, и пыль снова начала опадать на усталые тела бойцов.

Не дойдя метров тридцати до Иносенсио, Каэтано замер, выпрямился и плашмя повалился на гравий. Никто не двигался, разведчик, прикрыв своим телом автомат, лежал лицом вниз.

Какая-то птица комком спрессованной пыли пронеслась низко над землей. Ветер шевелил крылом убитого рисового касика, взерошивал по отдельности черные перья, издали напоминающие пальцы человека, что-то тщательно и скрупулезно подсчитывающего.

Командир вытер тыльной стороной ладони свои покрытые пылью усы и тихо бросил:

— Иносенсио.

Помощник сполз с насыпи и пошел крадучись. В той же прогрессии, с какой тело разведчика увеличивалось в глазах Иносенсио, траектория его взгляда начала от него самого непроизвольно и плавно хлестать то к хибаре, то к еле виднеющейся за насыпью Матагальпой. Помощник обмяк и глубже втянул голову в плечи: из расстегнутого ворота рубахи выпятились наружу, внешне ничем не отличающиеся от беззубых десен, изгибы ключиц, ямочки над ними задышали открытым логовом рта человека, который родился с заячьей губой. Иносенсио плавно поднял левую руку и поманил к себе Луисито.

Они принесли Каэтано, держа его в таком положении, в каком он и лежал возле насыпи — остекленевшими глазами вниз. Правая половина спины погибшего напоминала алюю и присосавшуюся к человеческому телу медузу.

— Это как рассвет, — заворожено зашептал Луисито и вопросительно посмотрел на командира.

— Переверните его, — отводя глаза в сторону, ближе к Матагальпе, сказал командир.

При переворачивании рука Каэтано уперлась локтем в землю, на некоторое время застыла в вертикальном положении, будто мертвец просил разрешения что-то сказать, и лишь затем полетела вниз и плюхнулась ладонью в песок. Сквозь пальцы вверх заструилась пыль. Блеклые полосы в сантиметрах тридцати над землей переплелись между собой и образовали крошечное облачко. Девушка присела на корточки и положила автомат себе на колени. Облачко пыли, проплывая мимо ее лица, задело расплывчатым краем длинные черные ресницы: зеленые глаза еще шире распахнулись, командир нервно мотнул головой, так как воспринял изумрудные радужницы девушки поляной, а, может, и чащей, из которой, сквозь кипение листвы, просачивался горячий, как пар, туман.

Маноло, лежащий дальше всех от домика, жестами спрашивал: что случилось с Каэтано? Отстраненно посмотрев на его месячные пыль руки, Иносенсио провел ребром ладони по своему горлу, наклонился и неловким движением поправил на погибшем воротник рубахи.

Вдруг рельсы застонали, словно где-то недалеко должен был идти поезд. Дождь песчинок сильнее застучал по измятой одежде бойцов, и полупрозрачная ширма, искажающая контуры города, резко опала, — просто стянулась вниз какой-то цепкой пятерней, обнажив и саму, вцепившуюся в нее кисть руки: выпирающие из земли белые фаланги пальцев-домов с засохшей под ногтями кровью — тускнеющую бурным цветом черепицу крыш. Через несколько минут город

снова окутало марево, — полоса расплавленного стекла и на ней, словно сделанная из старой газетной бумаги, истлевающая дымом Матагальпа.

На черном клине повязки, которая прятала за собой нервную улыбку Луисито, прилипла к влажной материи пыль образовала серый рисунок полуоткрытого рта, и командир не то, что не посмел, он не мог себе позволить догадаться из-за боязни потерять контроль над собственными мыслями, что ему никогда не удастся в своем, намеренно лишенном любых двусмысленных интонаций поведении, в сухо, даже с некоторой долей отчужденности отдаваемых подчиненным приказам и в самом деле искренне отеческом отношении к девушке скрыть от себя и от посторонних благоговейное чувство преклонения перед ней, отчаянную любовь, ежеминутно обуздываемое стыдом, до изнеможения, желание чувствовать рядом с собой ее дыхание или, хотя бы, постоянно находиться в поле зрения зеленых глаз, ибо юноша, как и он сам, тоже пытался это сделать, но все равно потерял лицо, — его попросту скомкал, смял, обезличил темный шелк ее лобка, в данный момент ложно отверстый на осклизлой ткани уже не алыми и горячими, а слепленными из праха губами.

Негатив? — подумал командир. — Уходящая в толщу воды фотография города, и все более становящаяся белой проекцией бессловесной речи Луисито, обращенной только к ней, единственной женщине в отряде, сконцентрировавшей все свое внимание на далеких полуразрушенных домах и с одним лишь, женского рода, словом во рту: Матагальпа, Матагальпа, Матагальпа..?

— Он зеленый, — спросил командир, — или нет?

— О чем вы? — недоуменно вскинул бровями Иносенсио.

— Я имею в виду аквариум.

— Он может быть и зеленым, изумрудным. Все зависит от того, как смотреть, — взялся рассуждать помощник, но, внезапно, остолбенев лицом, прервал свои объяснения на полуслове: снова послышался скрипящий стон и сразу за ним протяжное металлическое ляганье, в котором предугадывался подрагивающий податливым язычком гортани, но не у входа в горло, а между хищными челюстями капкана рдяный и пышущий жаром абсолютный выстрел, мерцающий каплями крови.

Руки крепче сжали автоматы, подушечки пальцев и края ногтей посветлели, стали полупрозрачными, своим измененным внешним видом как бы подтверждая, что железо в обратном направлении, перекутав причину со следствием, пытается воспроизвести процесс окаменения древесной смолы, истекшей миллионы лет назад и запаявшей в себе насекомых: тупые рыльца пуль, взбудораженные гулом стальной колеи, словно зашевелились, прониклись желанием стремительного полета и проникновения в живую плоть для совершения нового, небывалого перерождения.

— Штурм давно уже должен был начаться, командир, — раздраженно сказал Эмилиано. На его осыпающемся пылью лице синие глаза блестили влагой еще не высохшей на рисунке акварельной краски.

— Замолчи, синеглазый, — огрызнулся Иносенсио, решив, что из-за реплики Эмилиано город или его колеблющееся изображение потеряли четкость.

Девушка сидела в пол оборота к хибаре, песок скрипел у нее на зубах, из-за чего спину командира сковывало холодом. Он поехал, чтобы путем демонстрации ощущения холода скрыть захлестнувшее его чувство утраты, приподнял автомат стволом вверх и вдруг осознал, что не может вспомнить ее лица, знает только, что она красивая.

Солнце жгло немилосердно, но казалось ненастоящим. Оно напоминало отражение самого себя в мутной воде, а иногда и просто клуб желтого дыма.

— Нам ничего не остается, как только ждать, Эмилиано, — назидательно изрек Луисито. Его слова, хотя все в отряде недолюбливали светловолосого и надеялись, что кто-то тоже, помимо Иносенсио, попытается бросить колкость синеглазому бойцу, прозвучали слишком напыщенно и некстати.

— Да ними ты повязку, Луисито, — сказал уже идущий к курящемуся пылью Каэтано командир.

Каэтано лежал, разметав руки в стороны. В его всклокоченной бороде запуталась пчела. Желтое, в темную полосу, тельце терпеливо вырывалось на волю, но это просто ветер шевелил длинные и жесткие волосы на лице погибшего. Девушка опустила руку и вытянула из бороды усохший трупик пчелы. Внимательно рассмотрев насекомое, она бросила его к домику и сосредоточенно застыла.

Опять насыпь захлестнул какой-то гул, но исходящий уже со стороны Матагальпы, хотя Иносенсио, Луисито и Маноло почему-то посмотрели на железную дорогу. Гул постепенно нарастал: мнилось, что облака пыли формируют в своих недрах некое, исполненное неестественности механического зачатия, самодостаточное существо, наждачный, царапающий воздух рот которого и будет подавать команды ветру, чтобы тот не переставал переворачивать высокий и тяжелый день.

Продолжение на стр. 5

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ МАТАГАЛЬПА

Продолжение. Начало на стр. 3

Вертолет вынырнул, как один из нелепых образов, посещающих человека перед самым порогом засыпания, когда, в общем, и сон еще не пришел, но сознание уже разбилось, подобно зеркалу, — смотрящийся в него потерял своего, подтверждающего его целостное бытие, двойника, рассыпался осколками и устелил ими пол, сразу же начинающий уходить из-под ног раскрытыми длинными клювами проговариваемой перспективы паха, якобы симметрично смещенной вниз, уже по ту сторону, пытаясь широким бесстыдным разеванием вымолвить доисторические слова, которые всегда похожи на хруст льда и на звуки разрываемой острым железом плоти.

Может именно потому, что вертолет появился как феномен состояния сновидения или галлюцинации, никто из партизан ничего не предпринял, а лишь попытался вспомнить — где и когда видел его, и не сон ли это?

Пулеметная очередь сначала прошла грудь Иносенсию, а затем, сорвав повязку с лица Луисито и заставив его некоторое время, распластавшись, запарить над насыпью, вырвала ему кусок щеки. Среди похожего на топленое молоко дня начал зарождаться его дубль, с явной попыткой прекратить собственное преворачивание с места на место и засиять настоящим заклатом крови, с треугольным, как тень птицы, куском зашторивающей его ночи а также голубовато-белыми, подобно цвету зубов, низко стелющимися облаками.

Вертолет пронесся над насыпью молниеносно и сразу растаял в пыли, оставив после себя впечатление, что это был не он сам, а сделанный из разноцветной пудры, внезапно сдутый, однако некоторое время сохраняющий форму металлического корпуса машины его же макиаж, тогда как сама основа для макиажа не появлялась вовсе.

Агонизируя, Иносенсию вяло водил перед собой рукой, словно пытался нащупать то механическое существо, которое летело к нему сквозь мириад песчинок. Последняя вспышка его почти угасшего сознания, точно вид ночной Матагальпы, вскинула перед ним выросшую до непомерно больших размеров цикаду, на которую он нечаянно, впервые приближаясь к насыпи, наступил сапогом. Зубчатые и хитиновые лапки опустились ему на губы, после чего лицо помощника исказилось от отвращения, а погружающееся в снежную хлябь его рта насекомое умножилось в сотни ничем не отличающихся от него особей, чтобы всем вместе задумчиво зажурчать струйками крови, что начала вытекать из пулевых ран на груди.

Срывающимся голосом командир всем отдал приказ бежать к кустам. Рука Иносенсию еще висела в воздухе, а отразившиеся в его глазах низко пригнувшиеся, будто согнутые пополам люди, внезапно ставшие коротконогими, с уменьшенными лицами и неестественно крупными носами, пересекли круги радужниц и навсегда поблекли, как бы испарились из глянца ретины.

Добежав до кустов, командир повалился на спину и тотчас, резким движением оторвав от земли голову, посмотрел — все ли спрятались. Он еще успел заметить, как опала, будто уменьшилась в размерах, рука Иносенсию, как она неуверенно елозила пальцами по гравию, пока не натолкнулась на убитого рисового касика и не затихла в виде негатива тени обыкновенного птичьего крыла.

Маноло помогал Луисито: он пытался заткнуть повязкой отверстие в щеке юнца, внезапно ставшего белым, словно алебастр. Эмилиано лежал на левом боку и что-то доверительно нашептывал в оттопыренный ворот рубахи, одновременно ногтем указательного пальца чертя на прикладе автомата какие-то узоры.

В стороне испарялось туманом опадающей на него пыли неподвижное тело Иносенсию. Тишина, заштрихованная шорохом песчинок, все больше напитывалась оттенком мышиного цвета, — в ней даже угадывались ворсинки и робкое царпанье коготков грызунов: издали — старая посеревшая вата или свалянный, как подстилка в логове осторожного полуслеплого животного, пух, на котором бурными пятнами крови проступали потные лица бойцов.

— Командир, нужно посмотреть, что с Иносенсию, — повелительным тоном сказала девушка. Повязка на ее лице затрепетала, заволновалась от звонкой вибрации исходящих из самой груди слов, и командир ощутил неудержимое желание сорвать с лица девушки кусок темной материи, набросить его на раскосые и таящие в себе удивление глаза, одурманиться дрожью грациозного тела, раздвинуть своим языком ее немного припухшие губы, разомкнуть красавице рот, оправдывая свой поступок только тем, что он просто приподнимает над чертой горизонта закат, старается разделить его надвое, чтобы после затеряться взглядом в пунцово-влажном лепете, стать крошечным и превратиться у самого зева гортани в одни, с придыханием, сквозь чувственный всхлип зарождающиеся слова: «Командир, мой командир...»

Командир согласно кивнул. Ему стоило огромного труда отвести взгляд от зеленых искрящихся глаз. Он растерянно оглядел собравшихся вокруг него людей и движением головы послал Маноло и Эмилиано к своему помощнику.

Эмилиано, точно резиновый, вскочил на ноги, достал из кармана брюк черную косынку, встряхнул ее, ухмыльнулся, из-за чего у девушки дрогнула в руках автомат и побелел, будто собиравшись закапать воском, кончик пальца на курке, и лишь затем повязал вокруг своего лица. Негодующими взглядом прочертив небо, словно мешающее ориентироваться прицелю автомата бельмо, он тихо выругался и уже после побежал. За ним поспешил Маноло. Они пересекли открытый участок от кустов к хибаре, наклонив туловища параллельно земле: подсумки с магазинами и наполовину наполненные водой фляги раскачивались на их поясах подобно коротким крыльям страусов. Резкий порыв ветра отодрал острый конец косынки от подбородка Эмилиано, тем самым как бы выплеснув лицо синеглазого бойца в черный клюв, ожесточенно кромсающий шорох песчинок. Обезьянка вначале держалась всеми четырьмя лапками за его полурасстегнутую рубаху и громко повизгивала. Поскольку синеглазый бежал пригнувшись и больно ударял ее пушистое тельце коленями, она соскользнула с его груди на землю. Подбежав к хибарке, зверек поспешно вскарабкался, хватаясь за дыры в проржавелем железе, к крыше и повис под ней рыжим комком, похожим на осиное гнездо.

Маноло и Эмилиано находились уже возле Иносенсию, а траектории падающих песчинок снова вырисовали вертолет. Вращающиеся лопасти перемальвали воздух, превращая его во вздуто-подрагивающий мыльный пузырь, эллипсообразную проекцию распластавшегося над железнодорожной насыпью миража, что постоянно ублаживал на себе многоэтажные дома Матагальпы. Солнце ничем не отличалось от матовой скорлупы яйца какого-то реликтового пресмыкающегося.

Пулеметная очередь бежала прямой линией, раскраивая пространство между городом и лесом на две почти одинаковые половины, свежоотрезанные края которых словно загибались и напоминали собой своеобразные свитки, вследствие чего все, что было на них изображено, то есть выписано красными, желтыми, синими и зелеными чернилами, укрывалось пылью, поскольку нуждалось в процессе хоть какого-нибудь промакивания. Места, куда вонзались пули, вскипали крошевом белесых холмиков, испускающих едкий запах цемента. Мнилось, что это плевки какого-то гигантского земноводного или насекомого, способные превращать в удобно перевариваемое желе даже такие вещества, как камень или металл.

Эмилиано присел на одно колено и, сомкнув веки левого глаза, из-за чего половина лица скомкалась и укрылась мелкими морщинами, процедил синь своей радужницы сквозь прицел и отослал в небо весь магазин.

Призрачный и лишенный пыли воздух образовывался только над вертолетом. Он слабо брезжил налипающим на вращающиеся лопасти входом в какой-то иной мир, в который похожая на живое существо машина, сделав свое дело на земле, должна была ускользнуть. Пулеметная очередь, доводя до логического завершения свое предназначение расщепления на части любого целого, перерезала ноги Иносенсию и вышибла из рук Маноло автомат. Никто не услышал, как он закричал, но все заметили, как вспыхнули кровью его ладони.

Долетев до кромки леса, вертолет почти затерялся в пыли, однако после плавного поворота снова поплыл к насыпи, ибо низ машины в самом деле напоминал днище корабля, а вращающиеся лопасти — наполовину сорванный и бьющийся над поверхностью воды парус. Кроме Маноло стреляли уже все, даже Луисито ощущал себя прижатым щекой к расплавленному подножию Матагальпы. Девушка высилась над командиром, автомат лихорадочно тряс, будто насилывал ее тело. Худенькие руки удерживали вороненую сталь, словно что-то пугающее и одновременно манящее. Удлиняющиеся к вискам глаза были удивленно распахнуты и наивно увлажнены. По насыпи, неизвестно когда на нее взобравшись, бежал Маноло. Его раскинутые в стороны руки с окровавленными и напоминающими пылающие головешки ладонями иногда разламывались на похожие на знаки морской азбуки жесты, вследствие чего на днище вертолета возникали пурпурно-лиловые разводы света.

Командир на секунду отвернулся от оплывающего стальным зобом неба, от расплазгающегося над ним в идеальном и небывалых размеров круг глотка сплюны, чтобы расстегнуть подсумок и достать новый магазин. Во время поворота головы он краем зрения заметил черную косынку Эмилиано, бьющуюся на ветру, словно синеглазый сжимал зубами им же подстреленного и все еще агонизирующего рисового касика, нелепого и неизвестно почему взобравшегося на насыпь Маноло, а также внезапно подрубленную стройность девушки и лениво высальзывающий из ее ладоней автомат, который своим падением как бы закатывал зев раскаленного ствола, точно расширенный зрачок, в поеживающийся песок хруст гравия.

Солнце пряталось за пыль, вертолет уходил в создаваемый его же лопастями диск расплавленного стекла, отхлывал за слабо пульсирующую выпуклость неба, где краски полудня, а вместе с ними вся гамма оттенков восхода и заката все еще сохраняли свою первоначальную яркость и продолжали пылать новизной. Лопасти лишь задели край пупырчатой скорлупы, что отягочала день проявлениями пола, делая его

подобием мужчины или андрогинна, отчего вся геометрия видимого внезапно исказилась, прямой бег рельсов изогнулся ввысь, а Маноло оказался вдали от кустов. День на секунду вспыхнул и тотчас поблек, однако воспринимаемый на слух, словно испещренный штрихами миллиарда траекторий падения песчинок, начал обрастать жирными мазками налипаемых на него ключевых искромсанных солнца. Командир вскрикнул, сжался в позу эмбриона и тихо, чтобы никто не слышал, вцепившись зубами в грязный рукав своей рубахи, заскулил: на его затылок из живота медленно оседающей на землю девушки полилась густая, как патока, кровь.

Вместо солнца на небе зыбилась лужа тканевой жидкости, которая постепенно стягивалась в размерах и усыхала в излучаемый свет диск. Над вертолетом зияло огромное и кипящее оранжевой листвою отверстие в осень. Именно из такой дыры, наверное, как из прошлого или будущего, и появился рисовый касик, — птица, которую чаще всего можно увидеть на рисовых убранных полях.

— Там солдаты! — срывающимся на визг голосом кричал Маноло. — Сюда движутся солдаты!

Девушка упала на гравий, черные волосы рассыпались вокруг ее лица, а командиру показалось, что они текут, уносят его самого в ночь, где ему, наконец, удастся успокоиться и уснуть, но он, почему-то, не вспомнил о цикаде. Сам облик девушки, пожирающая половину ее лица темная ткань и огромные, кажущиеся разделенными на тысячи ячеек глаза, ибо в них по отдельности отражалась каждая слеза, которая вот-вот должна была скатиться по щекам командира, обвязаны были вызвать в его сознании мысль о тщетности объяснить ее пугающую красоту либо ассоциацию с невиданно привлекательным животным или неземным существом, однако более совершенным и рациональным, нежели человек. Более совершенным, — прошептал он дрожащими губами.

Девушка, согнув ноги в коленях, с натугой подтянула их к своему животу. Командир вцепился зубами в рукав униформы и отвернулся. Ему в спину, из того места, где темная повязка соприкасалась с губами, задышало алое пятно.

Вертолет полностью поглотился летящим песком. Последнее, что он сделал, прежде чем исчезнуть навсегда, это короткой пулеметной очередью опрокинул на шпалы Маноло и дал команду его рдяным ладоням сжиматься и разжиматься пальцами подобно хватательным движениям клювиков птенцов. Мнилось, что птица-родитель — иссиня-черная, облепив тень своего полета нижнюю половину лица умирающего, из далекой высоты отрывистыми кивками головы закатывает, точно зернышко, под верхние веки Маноло его же зрачки, растекшиеся на всю ширь радужниц.

— Маноло! — попытался окликнуть командир распластавшегося на шпалах бойца, но его голос был заглушен шумом выстрелов и снова начинающим увеличиваться гулом двигателей канувшего в пыль вертолета. Глаза девушки наполнились страхом: мучимая болью и быстро теряющая кровь она все еще воспринимала мир через исполненные смысла жесты и телодвижения командира, через его короткие, требующие неукоснительного исполнения, приказы, однако в данный момент беззвучно подрагивающие, потрескавшиеся и шелушащиеся чешуйками эпидермиса губы мужчины отразились в ее глазах как еще одна дыра в осень или визуальный сигнал к ее появлению.

— Нужно уходить, командир, — сказал Эмилиано, заталкивая темную повязку в карман брюк. Он стоял на коленях — вдохновенно-озлобленный, однако заметив, что командир растерян и не понимает его слов, выдал из своего лица некое подобие подбадривающей улыбки и сделал трудный глоток, скрежетом дернувший его адово яблоко.

Командир опомнился. Он впился глазами в кадкь белокурого бойца и почему-то мысленно попытался ухватиться за понятие «слепота», за символическое проявление слова бельмо, но не за само непосредственно бельмо, как таковое.

— В лес! — скомандовал он надтреснутым голосом и постарался махнуть рукой в сторону еле проглядываемой сквозь облака пыли темно-зеленой полоски вдалеке, но проделал это как-то неумело, больно ударившись ребром ладони о гравий, — не завершил жест, а взметнул вместо него несколько мелких камней и пригоршню скрюченных листьев. Девушка, как могла, подалась к нему, опять стала доверчивой и внимательной: плавный взлет ее черных, как коготь, ресниц немного увеличил во времени подрагивающее парение сухих листьев, — на несколько секунд создавалась иллюзия их полного разворачивания в удлиненные овалы и клиноподобные лоскутки.

Командир распрямылся. Затем он и Эмилиано приподняли девушку и неестественно неуклюже побежали от насыпи. Ноги раненой тащились носками ботинок по земле, оставляя на ее поверхности две ровные борозды. Метрах в пятидесяти от командира и Эмилиано, не выходя зрачками за пределы бороздок, семенил Луисито.

Они стремились к лесу, как к необъятной всепрощающей матери, и лишь только достигли его края, он сразу же безро-

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ МАТАГАЛЬПА

Продолжение. Начало на стр. 3

потно укрыл их зеленым подолом и даже подарил новое и обретшее целостность солнце. Слегка деформированное и тускнеющее глубокой вмятиной в своей сердцевине, оно бросало лучи сквозь листву в том же ритме и с той же интенсивностью, как и со стопами девушки кровь просачивалась из ее раны на защитного цвета рубаху. От невыносимой боли девушка закусилла нижнюю губу, так что кровь начала просачиваться и на повязку, закрывающую ее лицо.

Когда Луисито нагнал командира и Эмилиано, мужчины положили раненую на землю и тотчас же поспешили отойти от нее. Они опасливо начали озирались и сразу же, будто потеряв способность ориентироваться, качнулись на ногах, на мгновение неузнаваемо видоизменились и снова приобрели прежний облик, чтобы начать поправлять на себе одежду, подсумки и оружие, может, чтобы только проверить — существуют ли еще они сами и остались ли при них их тела.

Луисито чувствовал, что мужчины сейчас находятся слишком далеко от него и девушку воспринимают, как плод их воспаленного воображения либо как воплотившуюся в ее кровь и глухие стоны их же судьбу, наконец-то явившую им свой ранее тщательно скрываемый лик. Юноша расстегнул на раненой рубахе и одним коротким рывком отпустил на ее брюках ремень. С остекленевшим взглядом и задумчивым лицом, которое казалось словно прибитым к плоскости расположения его испуганных глаз черно-бурым кляпом, выпирающим из его же щеки, он завис в позе благоговения над двумя ранками в самом низу живота партизанки. Он и потек своим лицом над ее распростертым телом к небольшому, как у девочки-подростка, грудям, и вдруг весь напрягся, порывисто задыхался, так что воздух начал с бульканьем всасываться в неплотно прикрытое отверстие в его щеке, и, выходя обратно, брызгал сукровицей.

Девушка смотрела именно на кляп, а не на плотно сомкнутые губы Луисито. Она разглядела лишь что-то бледно-синюшное и заплакала не столько от боли, сколько от одиночества.

Командир и Эмилиано недоуменно переглянулись между собой. Может они поняли друг друга, а, может, и нет, но синеглазый приблизился к девушке и бережно поправил на ее лице синюю повязку, ее верхние веки задрожали, словно на них, как возле насыпи, начала опадать белая едкая пыль, а наблюдающий за нею командир внезапно поймал себя на мысли, что его глаза начинают стремительно удаляться от него, тогда как сам он остается стоять за пределами не только переворачивающегося, но и вообще любого дня как объемной единицы измерения жизни, своеобразного купола-сосуда, вмещающего в себя поступки и мысли всех, даже навсегда покинувших его людей. Однако и в этой ситуации он не лицемерил, так как всегда желал, чтобы день находился в нем самом, а не наоборот. Мужчина подался вперед, к раненой, будто именно сила зеленых глаз и притянула его к себе, так и не успев подумать, что рано или поздно почва должна будет уйти из-под его ног. Чтобы удержать равновесие, он опустил автомат прикладом на землю и оперся на него, как на костыль.

Лес безмолвствовал. Под самыми верхушками деревьев бесшумно с ветки на ветку перепрыгивала маленькая рыжая обезьянка. Луисито поднял затуманенные глаза вверх и решил, что это, всего-навсего, солнце, что оно и является доверчивым, переливающимся огненной шерстью животным, которое передвигается на недоступных человеческому зрению ветвях.

С той стороны леса, которая подходила близко к железной дороге, доносилась беспорядочная стрельба. Девушка силилась что-то сказать. Свои ладони она держала на животе, тонкие пальцы ползали в крови, точно бежевые черви. Эмилиано вопросительно посмотрел на командира, но тот уже не обращал внимания на светловолосого. Его взгляд метался между зеленых радужниц девушки и ее испачканными кровью руками, ибо еще не заверченный день, как он не тщился его забыть, был спроецирован на низ живота раненой и плескался закатным, отделяющимся от темноты лобка заревом, чем-то напоминая огненно-рыжего зверька, который, достигнув предела дня, пристально двумя пулевыми отверстиями посмотрел на лица партизан. Над ранками заплывала потом ямка пушки, — каждый раз, когда девушка втягивала живот, вспыхивающий искрами сгусток, больше похожий на слизь или на нектар, выбрасывал по бокам от себя две узкие складки кожи.

— Все будет хорошо, — сказал Эмилиано, — это не опасная рана. Боль пройдет. Он прилег возле девушки, а затем, вытянувшись своим телом, обнял ее. Эмилиано погладил умирающую по голове, чтобы сразу опаст на ее лицо учащенным дыханием, одновременно, неловкими движениями, поправляя ее влажные волосы. Очень осторожно, пропуская сквозь свои пальцы черные завитки кудрей, он снял с ее лица повязку.

От невыносимой боли партизанка прокусила свою нижнюю губу и кровь начала заполнять ее рот. На губах у нее пузырилась кровавая пена. Всплывая изо рта, пузырьки, достигнув определенной величины, лопались и обнажали белые зубы, окрашенные на своих стыках в багрово-розовые полоски. Мнилось, что

у нее во рту находится поставленная против солнца ладошка ребенка, и в тех местах, где пальчики прижались друг к другу, солнечные лучи образовали алую краску.

Луисито привстал и свой блуждающий в гуще леса взгляд наконец остановил на лице Эмилиано. Ручка младенца во рту девушки сжалась в кулак: заскрипели зубы. Эмилиано нервно ерзал на правом боку: ему никак не удавалось приладить зев автомата между грудью и подмышкой умирающей. Где-то там, вдалеке, намного дальше, чем начинался взгляд Луисито, по ту сторону его покрасневших склер чувственно воспринимаемый юношей высокий день перевернулся якобы для того, чтобы принять окончательное положение и успокоиться навсегда, однако его стремление к перемене все же проявило себя в трансформации белой пыли в колючие и звенящие, подобно металлических стружкам, кристаллы изморози. Лицо Луисито обрело осмысленное выражение, а из горла его вырвался вибрирующий голос, словно испещренный чешуйчатыми крыльями. В его крике не слышалось ни одной ноты возмущения, а один тоскливо-бесконечный рой жужжащих телец, пытающихся спасти от разложения все еще сильно пахнущий жизнью труп матки, который продолжал извергать на них чувство сплочения и самоотдачи.

Эмилиано выругался: глушитель его автомата уже подрывал под левой грудью девушки. В длинном логове ствола по убегающей спирали к рыльцу пули нарезки, точно по восходящим потокам воздуха, замелькала вращательными движениями тонкий, как паутина, вихрь крови.

Последний день, — подумал командир, — последний день, — сутью которого был поднимающийся и опускающийся вместе с грудью сосок солнца, а немного ниже плескалось зарево заката, отделенное от светила хлябью наполненной потом ямки пушки. Сама картина перехода дня в ночь настолько ярко вырисовалась в воображении командира, что он сам почувствовал себя находящимся в бледной темноте, ибо, по логике вещей, смена времени суток, подобно постоянно перекидывающемуся с ног на голову и наоборот дню, обязана была произойти как-то иначе, отрицая любое видоизменение, так что вишневый сосок, но только в видении мужчины, просто потерял яркость, стал матово-серым и уже ничем не отличался от тусклой вечерней луны.

Выстрел был неестественно одиноким, взвешенным и долгожданным, как и мечты о нем белокурого бойца. Командир вскинул с еще дымящимся стволом автомат на плечо и безумными глазами посмотрел на Луисито. Эмилиано лежал, напряженно вытянувшись. Прошло секунд десять, а, может, и двадцать после выстрела, прежде чем его тело дернулось и начало сокращаться в размерах, однако лицо оставалось перекошенным от гнева, ибо синеглазый так и не сумел смириться с тем, что пуля вошла ему в шею, а не под левую грудь девушки. Из уголка губ выползла пиявка крови, с помощью которой, казалось, если взять ее за край и потянуть на себя, можно было вытянуть изо рта синеглазого кусок мокрой темной материи.

— Он любил закрывать свое лицо, — сказал командир и сразу же, не меняя интонации голоса, — Луисито, поторпливайся, нам необходимо уйти дальше в лес.

Командир стоял, уже выпрямившись, и уходил взглядом в заросли: понесу ее я, потому что, наверное, не ранен.

Луисито помог командиру поднять девушку, и когда тот немного наклонился, осторожно опустил ее ему на спину.

Лес плавал в жаре, — еще более невыносимой, чем та, что изнуряла партизан возле насыпи. И зрительно и осязательно духота воспринималась как огромная выпуклость: всего в нескольких метрах от бредущих людей деревья загибались верхушками к некоему условному центру, то есть над тем местом, где в данный момент шли Луисито и командир, тем самым создавая почти полное подобие круглого и прозрачного сосуда, изукрашенного витиеватыми узорами слабо трепещущей листвы. Именно у него внутри, где проекция находящегося в нем объектов максимально сужалась, чтобы уже в миниатюрном виде, но перевернутой с ног на голову, лечь якобы на чувствительную к свету сетчатку и заполнить собой *fovea centrifera* (центральную ямочку), шагали мужчина и юноша. Наблюдающий за ними со стороны обязательно бы заметил, что к нему, возрастая в размерах, но с обратной, как в русских иконах, перспективой, когда ближние объекты видятся малыми, а дальние увеличиваются, приближаются какие-то люди. Достигнув своей максимальной величины, то есть полностью наполнив собой глазное яблоко наблюдающего, люди молниеносно уменьшились бы до размеров точки, чтобы снова начать постепенно возрастать. Их превращения отнюдь не говорили бы о том, что они исчезают, чтобы заново родиться или что их жизнь — совершающаяся в определенном цикле пульсация: на самом деле появлялись на свет их фантомы, а сами они оказывались возле какой-то заброшенной железной дороги, на которой, точно на острой грани, разделяющей заросли и Матагальпу, все еще балансировал всеми покинутый день, тщетно пытающийся соединить минувшее с грядущим.

С наступлением сумерек, когда верхушек деревьев коснулась лиловая глубина и они начали поспешно в ней исчезать,

командир остановился и со вздохом утраты, будто пучина уже опустилась к его губам, посадил девушку на землю спиной к низенькому кусту. Она оказалась сидящей, упав подбородком на грудь, словно завороченная видом ран на своем животе. Подобрал левой рукой автомат девушки и даже не взглянув на Луисито, командир поднялся и побрел дальше в глубь чащи. Юноша приподнял голову раненой лицом к себе: она была мертва.

Судя по всему, командир должен был дальше углубляться в заросли, но он, как казалось Луисито, будто бы приостанавливался густым переплетением ветвей, из-за чего создавалось впечатление, что командир неуклюже топчется на месте, и юноша радовался, что именно так все и происходит: залитое слезами лицо человека, больше чем в два раза старше его, приносило ему успокоение и надежду, что девушка все еще жива и обладает властью, потому-то и не отпускает мужчину от себя. Он погладил, уже ставший холодным, лоб девушки и закрыл ей глаза. Он разогнулся, привстал и некоторое время стоял на полусогнутых ногах неподвижно. Он слышал треск ломающихся веток, но никак не мог определить, в какую сторону леса уходил командир. Он осмотрелся по сторонам, но никого не увидел.

— Командир! — крикнул юноша.

— Луисито, Луисито, — ответил ему командир, но его голос доносился со всех сторон, куда бы юноша не поворачивал голову.

Луисито рвался пойти помочь командиру, но и девушку не хотел оставлять одну. Руководимый каким-то бессознательным желанием, он открыл ей глаза и, заглядывая в их зеленые радужницы, начал утрачивать часть своего естества, способность мало-мальски объективно оценивать происходящие вокруг него события. В гущающихся сумерках тело девушки быстро утрачивало мягкую очерченность женских форм: виднелись одни продолговатые пятна склер. Она уже лишь ощущалась обонянием Луисито, ваялась в его сознании запахом крови и пота в безупречную грацию плоти.

Луисито услышал звуки разрываемой шипами растений одежды. На слух он определил, что командир удалился от него на метров тридцать-сорок. Юноша обездол себя: его сердце подернулось ледяным облаком холода, мысли отстранились от чувств и сместились в начало исчезнувшего дня, в самый его, возникающий из предрассветья, эмбрион, где губы девушки сочно нащепывали слово Матагальпа, и даже буйное воображение командира и извращенное сознание Эмилиано не сумели бы им подсказать, что к вечеру цепочка коротких слов неминуемо преобразуется в лопающуюся пузырьками на губах немую кровь. Но Луисито все равно нерешительно отходил от девушки, с каждым шагом поворачивал голову назад и бросал жгучий благодарный взгляд на неподвижное тело. Даже когда он заставил себя не оглядываться и искать глазами одного командира, темное пятно ее тела не покинуло его, а словно скопилось, уменьшилось в кляп, которым была заткнута рана в его щеке. Именно тело девушки, а не рана, испускало боль и растекалось по лицу юноши. Потому что мешает внятно говорить, — подумал он, однако не отважился продолжить мысль, что день, рождение которого было напрямую связано с глазами и губами девушки, полностью исчезнув, воцарился на его собственном лице и начал через отверстие раны обволакивать полость его рта и проникать к горлу. Он был почти уверен, что и его горло, и сам он изнутри возродится вторым, живым и свежим, но еще не зрячим лицом девушки, однако уже умеющей выговаривать слова с самыми различными интонациями нежности и преданности: «Луисито, мой Луисито...»

Командир стоял, упершись руками в ветки кустарника: лес в самом деле как бы мешал ему идти дальше. Униформа в него на спине пропиталась кровью и липко обвисала. Не оборачиваясь, он сказал подошедшему к нему, но не видящего его, юноше:

— У меня вся спина горит, сынок. Вся спина. Может там, у насыпи, я в горячке и не почувствовал, что меня задело.

— Да это кровь девушки, — сказал, словно раздваивающимся голосом Луисито, ибо слова слетали не только с его губ, но и просачивались сквозь отверстие в щеке.

— Но спина горит, Луисито. Это не пулеметная пуля. Это все полоумный Эмилиано, который там, возле железной дороги, палил из своего автомата, куда только мог. Это его выстрел.

— Вы просто устали, командир, — прошептали уже не губы Луисито, а тряпка в его щеке, — Это конец дня, а Эмилиано вы тоже не любили, как и я. Солнце, наверное, уже ушло или скоро уйдет навсегда...

— А спина жжет, будто именно солнце на нее и село. Солнце в лесу — это всего лишь пушистый рыжий зверек, Луисито. Целый день он там, наверху, перепрыгивает с ветки на ветку...

Юноша согласно кивнул. Конечно, — подумал он, — разве командир может на своих плечах нести целый день, все равно

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ МАТАГАЛЬПА

Окончание. Начало на стр. 3

рано или поздно ему придется сбросить его на землю.

— Эта пуля доконает меня, сынок, — уловил юноша слабый, похожий на шорох опадающих листьев, шепот, и вдруг, поддавшись чувству гнева, осознал, что командир оставил его одного, а сам он только что разговаривал сам с собой. Голос командира и шум ломающихся веток — слуховая галлюцинация, бог весть каким образом произошедшая в наполненном затхлыми испарениями лесу. Может рыжий зверек не уснул, — не успел подумать он, — и перевел свое тело в позу наблюдающего за якобы передвижением животного в кронах деревьев.

Луисито улыбнулся, опав уголками губ к острому подбородку. Он решил, что ему необходимо догнать командира и закончить разговор о пуле: выстрелить ему в спину, перешагнуть через агонизирующее тело и устало сказать: «Это была моя пуля, командир. Вам не нужно было самому убивать Эмилиано, подчеркивая этим, что я словно в стороне и ни на что не способен, что кроме ложных ран, которые станут настоящими на следующий день — ее сосков, а ведь раньше только вы, командир, видели грудь девушки, потому-то и опасались за ее жизнь, я ничего не могу заметить».

Уголки его губ начали подниматься вверх, а когда замерли ровным, лишенным малейшей кривизны, порезом на лице, юноша поймал себя на том, что ласкает мертвую девушку, ускользает своими растопыренными пальцами в еще влажные от пота черные волосы.

Затем он передвинул автомат на грудь, повернулся к девушке спиной, сложил ее руки вокруг своей шеи и если бы не ветки кустарника, за которые он сразу ухватился ладонями, ему бы никогда не удалось подняться на ноги. Он не думал, что девушка может быть такой тяжелой, но все равно, с огромным усилием делая каждый шаг, испытывал надежду и какую-то успокоенную радость. Немного настораживала только холодная кровь погибшей, ведь именно солнце, как ему грезилось, он и должен был положить на свою спину. Однако, чтобы укротить постепенно нарастающее негодование, он сразу нашел объяснение: сейчас же ночь, — вздрогнули искушенные губы на его лице и кольхнула, воткнутая в щеку, повязка, так что солнце просто прилегло отдохнуть. Но он донесет его до железной дороги, до самой Матагальпы. Он и войдет в город на восходе с малиновым и отрывающимся от земли диском за своей спиной.

Ноги подкашивались и неприятно дрожали в коленях. Погруженную во мрак чашу юноша начал воспринимать старой тряпкой, куски которой словно пытались завернуть его в себя, как в черный кокон. Возможно, еще у насыпи он израсходовал все свои силы, и сейчас им двигала одна безграничная вера, что пуля, вошедшая в спину командира, принадлежала ему — Луисито, ведь именно он, а не командир, обязан был прострелить горло сумасшедшему Эмилиано. Но он одновременно и уважал командира, ибо тот был мужчиной, который долго нес на своей спине солнце. Наверное, командир его очень бережно переносил из канувшего дня в грядущий, потому-то чуть ли не колдовским образом ускользнул от Луисито и проник в новый день, а юношу оставил в минувшем, постоянно изменяющим свое положение и с мертвой девушкой на зеленой траве.

Луисито продвигался по чаще на ощупь: когда какая-нибудь ветка ударяла его, он обходил ее или отодвигал, выплевывая изо рта листья, каждый раз надеясь, что вот-вот должен услышать шаги командира. Он не знал, сколько уже часов блуждает в лесу. В какой-то момент почувствовав, что заросли стали реже, он постарался пойти быстрее, но через несколько шагов споткнулся о что-то твердое, напоминающее полено, и плашмя повалился в мелкую лужу. Сняв со своей шеи руки девушки, он даже не успел догадаться, что, возможно, только что находился погребенным под дном, то есть ему, как и командиру, удалось проникнуть если и не в новый день, то, хотя бы, ускользнуть от старого. Отдышавшись и оттянув девушку в сторону от лужи, он принялся ощупывать лежащее рядом с ним полено. Это оказался испачканный кровью человек.

Начинало светать, но в лесу еще царил темнота, и Луисито забылся. Однако он быстро вышел из болезненной дремы и вначале подумал, что находится возле насыпи. Только заметив лежащий ничком труп, юноша окончательно смирился с тем, что все еще находится в лесу.

Что-то знакомое угадывалось в крепкой фигуре погибшего. Приподняв голову мертвого за волосы, Луисито пробежал пальцами по его липкому от грязи лицу и сразу весь обмяк, стал как бы уже в плечах и наклонился, словно его согнула рвота. Ремень соскользнул с его плеча и автомат воткнулся стволом в дно лужи.

— Командир, — прошептал Луисито.

Некоторое время он не думал ни о чем: стоял на коленях и сиротливо раскачивался телом из стороны в сторону. Иногда перед его глазами вспыхивали события прошедшего дня, но лишённые любой эмоциональной окраски, — хотя и яркие, полностью воспроизводящие все оттенки насыпи, вертолета и Матагальпы, но будто неумело имитировавшие их и боль-

ше похоже на странный театр разноцветных теней, нежели на настоящую реальность.

В лесу еще больше посветлело. Луисито осматрелся по сторонам. В нескольких метрах от него сидела мертвая девушка. Невозможно было понять, куда направлен взгляд ее неподвижных глаз, но оставалась слабая надежда почувствовать, что командир никогда не пытался ее покинуть, а блуждал вокруг нее, желая прижаться небритой щекой к ее обнаженному животу, обнять, и, наконец, раствориться мыслями в прошлом, где все для него было проникнуто потаенным и неумелым намерением зачатия. Командир лежал, протянув руку к девушке. Ее густые, цвета вороньего крыла волосы прилипли к затылку, только несколько прядей за ухом оставались сухими и поднимались и опускались в такт дыхания Луисито, подобно слабому и еще не познавшего радость полета крылу: светлые нашивки на погонах напоминали пальчики ребенка, доверительно положившего свои ладони на плечи мужчины, который так никуда его и не донес, не сохранил, а погреб заживо под своим телом, однажды продырявленным пулеметной пулей.

Руководствуясь не рассудком, а чутьем, Луисито разорвал на командире рубашку. Он не поверил своим глазам, ибо надеялся увидеть только одну рану, однако напротив его лица темнели два пулевых отверстия, и расстояние между ними было точно же таким, как между пулевыми отверстиями внизу живота девушки. Он пытался прикрыть ее собой, — выплескивая из своего рта слова, нервно рассмеялся юноша, но полностью воспроизвести смех ему помешал кляп в щеке. Луисито подавляла мысль о том, что командир пытался отвести гибель девушки, заслонив ее своим телом от пулеметного огня. И ему это удалось, и удалось бы, если бы не перекидывающийся с ног на голову и обратно день, его изменяющееся содержание, одна из частей которого, называемая «командир отряда», не наслонилась на бросок тела мужчины, взвешивающего на мир голубой и коричневой радужницами глаз. Темно-глубокой, как и его нерадивая жизнь, и светлой, исполненной тайной надежды вследствие постоянной деформации дня, поскольку его события как бы не успевали за ним самим и оставались вне времени, потому-то одни и те же пули сразили и девушку и того, кто пытался ее от них заслонить.

Его надо положить рядом с ней, — не долго думая, решил Луисито, — так им будет лучше, да, наверное, командир этого и хотел.

Тело было неестественно тяжелым, и юноша так и не смог оторвать его от земли. С горем пополам он дотащил его до кустов и оставил лежать возле тела девушки, но уже лицом вверх, чтобы щека командира прижималась к бедру погибшей. Он благоговейно выпрямился перед ними, точно приготовился совершать священный ритуал. Поочередно, бросая взгляд то в зеленые, то в голубой и карий глаза, Луисито своим воображением словно переплывал от одной мечты к другой, однако не как от одной визуальной осмысленной истории к следующей, логически вытекающей из предыдущей, а как из одной цветовой гаммы к совершенно ей противоположной, будто рисовал.

Ему стало неловко, ибо, хотя он и не отдавал себе в этом отчета, интуиция подсказывала ему, что он подглядывает, пытается вмешаться в существующую даже после смерти взаимосвязь ставших близкими ему людей, потому что за все свое время пребывания в отряде так и не сумел найти ответ, кто кому отдает приказы — девушка командиру или командир девушке.

Он попытался, а после того, как ветки сомкнулись перед его лицом, и двое убитых исчезли из его поля зрения, внезапно твердо уверовал, что получил от них задание — сокровенную мысль или, скорее, догадку, преддверие мысли, воплощающуюся в игру полос спектра, который состоял из трех, стегавших друг друга и переплетающихся между собой цветов. Луисито просто плакал, и на глаза ему наплывала бурая земля и рваные клочья голубоватого утреннего неба среди серовато-зеленых верхушек деревьев. Ему было безразлично куда идти дальше, он побрел, подобно сомнамбуле, и иногда, будто пробуждаясь от гипнотического сна, наваянного на него лесом, с потаенной надеждой пробежал пальцами по стволу автомата, в тот момент ощущая его, как единственного, не оставившего его свидетеля и исполнителя его потаенных, так и не превратившихся в понятия мыслей, что растекались перед его глазами, точно радужные пятна бензина на воде.

Луисито начал приходить в себя, то есть замечать окружающий его мир более или менее непредвзято, а не разнообразной формы конфигурациями глаз командира и девушки, только когда вышел из леса и ступил на заброшенную либо редко используемую железную дорогу, почему-то показавшуюся ему невесомой, убегающей за горизонт двумя блестящими паутинками.

Солнце отрывалось от земли позади монотонной ходьбы юноши и отбрасывало от его тела длинную тень, ломающуюся на деревянных шпалах, словно на ступеньках, ведущих куда-то вверх. Он не нуждался в его тепле, но от изнеможения или вследствие забывчивости, так как его мысли по своим краям все еще трепетали бахромой спектра, боялся, что оно подни-

мается из него самого, всходит из-под его рубахи, потому что командир умер, и кто-то был обязан донести светило до высокого дня.

Луисито пробовал рассуждать, и рассуждать конкретно, минув рождающиеся из его чувств образы, то есть всего лишь произносить слова, но поскольку и говорить членораздельно из-за раны в щеке он не мог, точно так же не был способен оставаться мыслями в границах действительности и неоспоримых доказательств, а, точнее, оставаться самим собой. Свою тень он воспринимал, как кляп в своей щеке, а солнце нестерпимой горечью во рту, которая и норовила вытолкнуть из раны слипшуюся в комок ткань. Он не знал, что повязка ссохлась и между ней и верхним краем отверстия в щеке обнажился зазор, сквозь который виднелись белые зубы и красные десна, — в мерном раскачивании его ходьбы почти полностью напоминающие колышущиеся в мареве, побеленные известью, с бурными черепичными крышами дома Матагальпы, к которой рана и была обращена.

Резкий порыв ветра высоко взметнул пыль. Юноша подумал о песчинках, как о перетертых в прах осенних листьях, и сокрушенно улыбнулся. Единственное, что еще подчинялось законам логики в его мышлении — это желание не самому произносить слова или порождать их своим сознанием, а быть выговариваемым ртом девушки, чтобы ее язык и стал ласкающим его усталое тело солнцем, отнюдь не отбрасывающим тень — затычку в щеке, а лишь нашептывающим ласково и немного устало, с еле улавливаемой властной интонацией в голосе: «Луисито, милый Луисито...»

Он шел долго, часто останавливался и, пытаясь унять дрожь в своих полусогнутых ногах, опирался на автомат. Ближе к полудню, продолжая с фанатичной решительностью противостоять своим костистым лицом летящему ему навстречу песку, упал на колени от горячего удара в поясницу. Выстрела Луисито не слышал, да и не хотел. Он смиренно согнулся телом вперед и попытался снова опереться об автомат. Он не осматрелся по сторонам, потому что был уверен: бесполезно искать то место, откуда в него была послана пуля, и что он не сможет отомстить выстрелившему, так как того в этом дне уже нет и в помине. Собравшись с силами, юноша выпрямился, всплыл лицом из боли и снова побрел вдоль колеи.

Все его мысли стали красными и ослепительными; кровь, стекая по ягодицам и ногам, заполняла хлюпающей вязкостью ботинки. Солнце висело уже точно над его головой, когда он, не дойдя метров пятьдесят до какой-то хибарки, сложенной из рифленого железа, сначала увидел, как из стены пыли вынырнул вертолет, и лишь после услышав рев дизельных двигателей. Но Луисито никак не отреагировал на его появление, потому что вдруг почувствовал, да и мысли его были заняты другим, — солнце уже не жжет ему спину, а сам он потерял свою тень. Он даже не пытался скатиться с насыпи к кустам или начать стрелять по вертолету, а просто искал глазами солнце и чувствовал, как по его спине пробегают ледяные муравьи, а рот наполняется кровью, но не из раны в щеке. Луисито шире расставил ноги и отшвырнул автомат в сторону. В его запекшихся болью глазах шевельнулось победное, гордое выражение: ему показалось, что солнце никуда не кануло, а лишь изменило свое местонахождение. Оно словно катилось ему навстречу скорее всего для того, чтобы он сам перевернул день или, чтобы ему каким-то образом все же удалось его перевернуть, после чего вертолет обязан был исчезнуть и больше никогда не выныривать из пыли. Но это была только рыжая обезьянка, обрадовавшаяся появлению знакомого ей человека. Подбежав к нему, она вскарабкалась, цепляясь за одежду, к его груди, подтанулась к губам и полностью укрыла своим пушистым тельцем его лицо. Однако сразу же, движимая каким-то желанием помочь Луисито, выдернула из его щеки зубами кляп. Прежде чем упасть, черная тряпка развернулась и на мгновение зависла над насыпью. Вертолет возвращался и уже заходил к железной дороге со стороны леса, изрыгая из себя огонь и взрыхляя шпалы бежевыми щепками. Пулеметная очередь прошла всего в нескольких сантиметрах от юноши, резко выдернула испачканную засохшей кровью косынку из ее размеренного падения к подножию насыпи, после чего та шлепнулась на землю черным комком.

Слишком тяжелый день и слишком тяжелое солнце, — подумал Луисито. Он быстро терял силы и не мог удержать даже детеныша обезьянки, будто съевшего своим рыжим тельцем его шею и лицо. Потеряв равновесие, юноша повалился навзничь на шпалы. Два огромных, янтарного цвета глаза смотрели на него, тогда как по краям зрения юноши, там, где находилась Матагальпа, и там, где начинался кустарник а за ним и лес, свет начал меркнуть.

«Пуля вылетела давным-давно из автомата Эмилиано, — прошептал юноша. — Но должна быть вторая пуля Маноло или Иносенсио, ведь так? — уже не сообщал зверьку, а спрашивал у самого себя Луисито, — именно того, кто наступил на цикаду. Только одна пуля в спине, одна единственная...» — и сразу истек своим сознанием в зеленые глаза оставленной им в лесу мертвой девушки.

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты ООО «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»:

ИНН: 7723339052

КПП: 772301001

ОГРН: 1037723024877

ОКПО: 70006949

Расчетный счет: 40702810800670000380

Банк: ФИЛИАЛ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ» БАНКА ВТБ (ПАО)

БИК: 044525411

Корр. счет: 30101810145250000411

Юридический адрес: 109193, Москва г, Кожуховская 5-я ул, дом № 13

Генеральный директор: Степанов Евгений Викторович

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25

e-mail: stepanovev@mail.ru

Сайт: www.west-consulting.com.ru

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Владимир Новиков, Виктор Соснора, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Наум Коржавин, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25

e-mail: stepanovev@mail.ru

Сайт: www.west-consulting.com.ru

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru, <http://poetograd1.livejournal.com>,

<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Владимир Делба (Москва), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва)

Главный редактор

Наталья Лихтенфельд

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Шеф-редактор

Иосиф Быковский

Заместитель шеф-редактора

Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Ирина Ракитина

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Баринев, Наталья Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)